

Черные камни

Много лет назад мы оказались в отдаленном грузинском селе. Как водится, был традиционный стол, тамада, тосты, тосты, тосты – за гостей, за Святого Георгия, за старейшин, за всё мыслимое и немислимое. Холодное вино из керамических кувшинов, сулугуни, сациви, форель... Хорошо – не то слово. За столом сидели мужчины и гости. Женщины кучковались на кухне, у них там находился свой клуб. Управляла всем этим Манана, хозяйка дома. Дети же юлой сновали повсюду. У некоторых из них на запястьях были красные шерстяные нитки с каким-то прикрепленным черным камнем.

– Манана, что это такое? Что за камень и зачем? – спросил я.

– Это гишер, – сказала она. – Мы надеваем его детям для того, чтобы они были здоровыми. Он вообще приносит удачу. У меня тоже был такой. Я его никогда не снимала, даже ночью.

– Ночью? Почему ночью?

– Это ночной камень, он охраняет сны не хуже теплого одеяла, – засмеялась она. – Хотите посмотреть на гишер? У нас дома есть и четки, и женское ожерелье. В народе говорят, что женщинам гишер особенно помогает, женщины вечно судачат на кухнях всякое, а гишер укорачивает язык, не дает болтать глупости.

– В самом деле?

– Говорят, я не проверяла. Но детям всем нитки надеваю. Хуже не будет.

Бусы из гишера оказались необыкновенно легкими, теплыми и выглядели совершенно будничными. Как они удерживают от болтовни – уму непостижимо.

Так я познакомился с гагатом. Гишер или гешир – его грузинское название, распространенное, кстати, на всем Ближнем Востоке. Он в самом деле ночной камень, ведь гишер по-армянски – ночь. Каким образом армянское слово стало названием одного из самых грузинских камней – вопрос, как говорят, на миллион. В русский язык слово "гагат" пришло из немецкого, в немецкий – из греческого, от реки Гагес, что текла в Ликии. Был я в Ликии, нет там теперь ни города Гагес, ни реки с таким названием, ни ликийцев, жителей "страны волков", ни волков этих нет, а слово "гагат" выжило. И постоянно путается с другим греческим словом – "агат", что происходит от названия другой реки – сицилийской Агатес. Все смешалось, все спуталось, но остались в итоге "агатовые глаза" – символ темных, бархатистых, глубоких и бездонных, как ночь, глаз.

*Ах, эти черные глаза
Меня пленили,
Их позабыть нигде нельзя...*

Но глаза должны быть гагатовые – черные, ночные. Работает эффект созвучия, переноса понятий, ошибок переводчика, поэтическая игра, образ, фантазия – все вместе.

В детстве я зачитывался "Витязем в тигровой шкуре". Особенно грело душу классическое издание, с гравюрами. В нем были такие иллюстрации, такие лица, такие стихи – мурашки по коже. Это всё, кстати, Заболоцкий – не будь его перевода, всё было бы иначе. И вот я в Иерусалиме, в монастыре Креста, где находится могила Шота Руставели. Какие дороги занесли его из Грузии в Иерусалим, какие страсти обуревали монаха, написавшего такую пламенную поэму? Возможно, что виноват во всем гишер-гагат. Абсурд конечно, но абсурд красивый.

По одной из многочисленных легенд, Руставели писал пером, вставленным в гагатовую рукоятку, и волшебные строки сами выходили из-под этого пера. Кто знает, чем он писал, ведь оригинал рукописи не сохранился, неизвестно практически ничего конкретного, однако есть сама поэма, а это значит – образы на все времена. А там, в поэме, гишер – повсюду, десятки раз, в самых разных сочетаниях. Не ищите его в русских переводах, нет его, поскольку гишер – это гагат, гагат – это агат, а Заболоцкий – поэт, а не геолог.

"Мне пером была тростинка, тушью – озеро агата..."

Не было никакого агата, у Руставели в оригинале – гишер, тушь черная как гишер, как озеро гишера. Он всё время пишет о гишере, когда хочет сказать что-то хорошее о глазах или в целом о человеке. "Ту, чьи розы осеняют копий сомкнутых агат"... Агатовые копы – это гагатовые копы, то есть черные ресницы бесценной Тинатин. Автандил не может от них оторваться: "Лес агатовых деревьев, лес ресниц владеет мною!"...

У меня дома хранится блестящая щепка грузинского гагата. Время раскололо ее на две части, и стали видны даже годовые кольца далеких миллионолетий. То самое издание "Рыцаря в тигровой шкуре" живет сейчас в Риге – что-то не сложилось, и книгу пришлось оставить при переезде в Израиль. Надо бы купить ее снова, привезти... Но век теперь такой практичный, а места в квартире вечно не хватает.

Красные шерстяные нитки по-прежнему в ходу – их продают на спуске к Стене Плача. Гагата на них нет, здесь другая традиция. Монастырь Креста совсем недалеко, час езды, не более. В легендарный грузинский монастырь Гелати, где прошла юность Руставели, очень хочется съездить. И вообще хочется в Грузию – там стол, там сациви-сулугуни, там вино, там Манана и дети с гагатовыми оберегами...

А больше всего хочется взять тот самый том Руставели, залезть под одеяло, стряхнуть пыль с обложки и, чихнув от удовольствия, читать и читать, ни о чем особо не думая, а просто улетаая вслед за стихом. Ведь как сказал о поэме Бальмонт: "Это ... радуга любви, огневой мост, связующий небо и землю".

Черные камни всегда манили человека, было в них что-то загадочное и таинственное. Их не много, этих камней, все они так или иначе связаны с углеродом, а значит и с самой жизнью. О гагате-гишере я узнал когда-то на Кавказе, потом встретился с ним в Англии, в Уитби, но это уже совсем другая история. А впрочем...

Уитби – настоящая жемчужина йоркширского побережья Англии. Обалденное, сказочное место, купающееся в ореоле преданий и легенд. Сюда якобы приплыл в гробу граф Дракула, со схожей долей достоверности именно здесь Робин Гуд показал французским пиратам кузькину мать, отсюда действительно отправился в дальний путь самый известный из местных жителей – капитан Кук. В общем, рекомендую любому и каждому. Мы приехали в этот небольшой городок в 2002-м году. До сих пор помню запах моря, обрывистые клифы, сотни людей, бредущих по обнаженному отливом берегу, дикие крики чаек, лоток с огромным омаром, бесконечные пабы... И повсюду, в каждом окне – изделия из гагата. Рыбацкий городок прославился в викторианские времена как столица тонкой, изощренной резьбы по камню. Добывали его рядом, около залива Робин Гуда. А обрабатывали в Уитби, где и сейчас процветают ювелирные лавки, продающие гагат необыкновенной красоты. Но как все-таки восприятие зависит от места, как сурово накладывает отпечаток антураж, как бесконечно далек позитивный, теплый, ночной грузинский гагат-гишер от своего печального и совершенного английского собрата. Будто они и не ближайшие родственники, а так, седьмая вода на киселе, кузены волею судеб.

Кроме гагата есть и другие черные незнакомцы: шунгит, лидит, карбонадо и угольно-черный кремень. Все они в той или иной степени эзотеричны: шунгитом лечат, им облицована палата в Военно-Медицинской академии, карбонадо – черному алмазу – приписывается внеземное происхождение, лидит используется как пробирный камень – он связан с золотом и другими драгоценными металлами, а черный кремень... Вот о нем-то и пойдет речь.

Несколько лет назад в один из выходных мне позвонил Марк. Познакомившись сравнительно недавно, мы быстро поняли, что одержимы одной и той же страстью. Приехав давным-давно из Ленинграда, Марк проработал в израильской водной компании не один десяток лет. Все это время он упорно искал целебный черный кремень. Это был его конёк. Он знал всё о его свойствах, собрал о нём целую библиотеку, где-то доставал кремень нужного вида, в доме хранилась вода, настоянная на черном кремне, которая годами стояла и не портилась – в общем, было все, кроме малого: не было израильского черного кремня.

Вообще-то Израиль переполнен кремнем по самое не могу. Кармель, Негев, Галилея, Голаны – всюду он в изобилии. Но не такой, как надо. Похожий, но не тот. Как известный всем халатик. Нужен такой же, но с перламутровыми пуговицами. А его-то и нет в наличии.

Марк мне объяснил, что биологически активным является только особый халцедоновый черный кремь. Его действие, загадочное и необъяснимое, вызывало массу споров, но факт очистки воды оставался фактом, и черный кремь продавался даже в аптеках, не говоря уже о ярмарках и выставках. Я с интересом слушал рассказы Марка, он мог заинтриговать кого угодно, а уж меня – на раз. В общем, стало ясно, что черный кремь чем-то напоминает мумиё: никто не знает, каким он в точности должен быть, но вдруг все складывается, и возникает нечто малообъяснимое, но очень полезное.

Короче, Марк позвонил и сказал:

– Женя, не хотите завтра сгонять с утра в кибуц Кетура?

– А где это? – я впервые слышал такое слово.

– Ну, это недалеко от Эйлата, совсем недалеко.

Тут я вспомнил: километрах в 30-40 от Эйлата есть указатель на иврите "Ктура". Поди догадайся что он же – Кетура, гласных-то нет.

– Сколько до него? – спросил я.

Марк немного помялся.

– Ну километров 300, думаю, не меньше, – голос звучал слегка виновато. – Мне позвонил знакомый, бывший американец, он нашел там черный кремь.

– Едем обязательно! Стартуем пораньше, пока нет солнца. Мы с женой будем готовы к пяти.

– Отлично, – Марк был явно обрадован. – Я возьму воду и бутерброды, – сказал он по-деловому.

Путь до кибуца пролетел незаметно. Ехали по Араве, по ее стремительным и опасным дорогам. Слева мелькали горы Эдома – древней Иудеи, современной Иордании. С утра они в дымке, так как с востока поднимается солнце, зато к вечеру загораются красным напряженным цветом.

В Ктуре нас уже ждал знакомый Марка. Парень был как картинка с выставки достижений кибуцного хозяйства: загорелый, веселый, в каких-то парусиновых штанах и обязательных кроссовках. Меньше всего можно было подумать, что он американец, но акцент не оставлял сомнений в стране исхода.

– Кремь, черный кремь, – сказал он, – конечно, сейчас, я его нашел неподалеку.

Путая английские и ивритские слова, называя кремь то флинт, то цуром, он рванул куда-то за своей находкой.

Через несколько минут он принес кремь. Боже мой! На Марка было больно смотреть. Он весь словно сдулся и обмяк. Одна мысль была написана у него на лице аршинными буквами: "Зачем мы пропахали триста километров? Чтобы увидеть кусок серого кремья, который можно без труда найти где угодно, хоть во дворе в Тель-Авиве?.."

Кибуцник бодро сказал:

– Посмотрите, он черный.

"Сейчас Марк его убьет", – подумал я, но ошибся. Марк уже овладел собой.

– Кремь слегка сероватый, – сказал он. – Женя, как вы считаете, он черный или не совсем?

– Мне кажется, есть немного серого. Хотя, безусловно, интересный камень. Спасибо.

Американец, однако, оказался намного тоньше, чем казалось.

– Не переживайте, я думал это то, что вам нужно, мне неудобно, что вы приехали сюда из Тель-Авива, – он был явно расстроен.

– Давно вы здесь? – спросил я, чтобы развязать возникающую паузу.

– 17 лет уже как в коммуне, занимаюсь финиками, – ответил он, и неожиданно представился: – Элиезер, Эли.

– А до Израиля откуда?

– Сан-Диего, Калифорния.

– Далеко. Не жалеете, что переехали?

– Ни одной минуты, ни одной! Здесь настоящая жизнь.

Я огляделся. Уже поднималась ядреная израильская полуденная жара, кругом плыла в мареве пустыня, одинокий геккон спрятался за ближайшим камнем. Возможно, он прав, все дело в том, какими глазами смотреть.

– Знаете что, – сказал Эли, – если уж так получилось с кремнем, давайте я вам покажу стоянку первобытного человека, это недалеко, в пустыне, километров 12 отсюда.

Мы поехали вглубь Негева. Осадков здесь нет никаких, всего несколько миллиметров в год. В результате то, что упало пять тысяч лет назад, как упало – так и осталось на поверхности. Зрелище было неопишное: кусок каменистого плато размером с два футбольных поля лежал в девственной красе. Скребки, рубила, заготовки под каменные топоры и наконечники стрел валялись повсюду. Покрытые патиной времени, они были великолепны. Я поднял один из кремней. Выемки под

пальцы удобно легли в правую ладонь. Стало немного не по себе. Тысячи лет никто не трогал этот камень. Над ним трудился какой-то туземец, обрабатывал края, примерял к своей руке – удобно ли, думал, сколоть ли еще или и так сойдет. Теперь другая рука коснулась того же камня. А он лежал веками, впитывал энергию солнца, принимал полировку ветра. Незримая связь возникла между мной и древним негевцем, возникла – и, к счастью, пропала.

Солнце стояло почти в зените. Скоро полдень, пора срочно уносить ноги из пустыни, оставаться дольше опасно...

Машина несла нас домой, к Тель-Авиву. Эли все-таки отличный парень, ради такой встречи определенно стоило ехать. Ну, кремень оказался совершенно плебейским, ну так что? В первый раз, что ли? Все ехали молча, погруженные в свои мысли. Я на автопилоте крутил баранку, приближаясь к сто первому километру.

– Что ты говоришь? – вдруг сказала жена. – Перестань, смотри на дорогу.

– Я что-то говорю?

– Ты бормочешь что-то о доломитах и известняках, о пластах пород.

– Повтори, пожалуйста, что именно я говорил, это важно.

– Ты был похож на зомби... Сказал, что откуда, собственно, около Ктуры могут быть черные кремни? Там ведь плотные известняки, возможно доломиты, а черные кремни – это всегда мел, чистый белый мел.

– Я так сказал???

– Да, ты бормотал что-то в этом духе. А надо смотреть на дорогу, – добавила она.

Я посмотрел на шоссе. Его не было. То есть была полоса, по которой мы ехали, но вокруг, обнаженные, теснились пласты горных пород. Взгляд скользил по ним стремительно и легко, шарил в поисках белого мелового известняка и черного кремня, а они податливо раскрывались, как будто не имели больше права на секреты. В какой-то момент все встало на свои места. Я остановил машину на обочине, посередине пустыни.

– Возьмем кайло и молоток, пойдем по ущелью в сторону границы, – я не совсем понимал, что делаю, но не сомневался в том, что все делаю правильно.

Мы прошли метров пятьсот вниз по балке. Я поднял средних размеров желвак и ударил его по краю молотком. Камень распался на две половины, как будто ждал. Под рубашкой известняка, внутри, был угольно-черный кремень. Именно такой, как мы искали. Я был даже не рад – скорее, ошарашен. Остальные смотрели на жирную темную плоскость излома круглыми глазами.

Первым пришел в себя Марк.

– Как вы это сделали? – спросил он. – Как такое может быть?

– Не знаю, – честно ответил я, – не знаю. По-моему, я все это увидел на дороге.

Марк покачал головой.

– Ну и ну, – сказал он, – ну и дела.

Потом взял молоток и стал энергично колотить камни. В каждом втором внутри был черный кремний. Я же ничего такого не делал – я выдохся. Пласты помаленьку уходили из головы, оставляя вместо себя чувство удовлетворения и привкус удивления. Все возвращалось на круги своя.

Не прошло и часа, как я нашел коренное месторождение черного кремния. Прекрасные образцы были впаяны в борт небольшого оврага. Найти их было нетрудно, я просто ощущал куда идти и шел на зов.

Марк снова подошел.

– Сознаетесь, вы здесь уже бывали, вы наверняка знали?

– Нет, я здесь впервые, по крайней мере физически. Не понимаю, что именно произошло на дороге. Наваждение... А может, просто везение, кто его разберет. Я хочу еще раз обдумать все это, записать место, ведь не каждый день здесь оказываешься. А пока пора уже выбираться по направлению к дороге, тем более граница с Иорданией совсем рядом, километрах в двух максимум.

Марк согласился – пора. На всякий случай шли неторопливо, зная, что иногда в таких приграничных вади можно наткнуться на мину, вымытую селевым потоком. Ближе к дороге черные кремни стали попадаться реже, а потом совсем исчезли, как будто корова языком слизнула. Если бы не мешки с камнями, можно было подумать, что здесь ничего стоящего не было, нет и не будет.

– Вот так и проходим мимо, – задумчиво произнес Марк.

– Мимо кремней?

– Мимо всего. Камни – только повод, не в них дело...

В Тель-Авив мы вернулись уже к ночи. Я зарисовал на карте место находки, и сразу стало как-то спокойнее.

Черный кремний прекрасно принял полировку. Из него впору делать украшения, амулеты, четки. Исследование показало, что в нем 11 процентов углерода. Это много. Вот почему у него такой цвет. Вот почему в нём действительно могут быть биологически активные добавки. Значит, в этом месте, в Араве, не исключены какие-то месторождения углеродсодержащих минералов: битумы, сланцы, нефть и газ. Значит, надо бурить пробные скважины, надо искать. Но никто не знает, где именно. Никто не знает. А я знаю. Точнее, чувствую... Хотя, скажу честно, с тех пор больше я ни разу не сталкивался ни с какими вариантами геологического ясновидения.

Позднее я рассказал об углеродистых кремнях знакомому геологу, который выдает в соответствующем министерстве лицензии на разведку полезных ископаемых. Он выразительно покрутил пальцем около виска.

– Ты псих и дилетант, ты ничего не понимаешь, там нет нефти. И газа тоже нет, – сказал он.

– А что там есть?

– Как и везде – только мечта.

– Ты продаешь лицензию на разработку мечты?

– Вообще-то нет, но тебе продам.

– По рукам, – я протянул ладонь. – По рукам, цена меня не интересует.

– А прибыль?

– Прибыль тоже не важна. Меня интересует процесс.

– Ты точно псих, – повторил он. – Хотя... блаженным и детям везет. Пиши заявку, там видно будет, может кто-нибудь и заинтересуется.

Заявку я написал. Воображаемую. В ней все точно расписано: где искать, что и когда. Я не знаю, переносить ли её на бумагу, сделать ли её реальностью? Вдруг в самом деле

кому-то захочется проверить. Пусть пока полежит невостребованной. Начинается она примерно так:

Поезжайте по Араве в район 101-го километра. Закройте глаза, задержите дыхание. Дождитесь того мгновения, когда пустыня задвигается, поплывет и отстранится, уступая место калейдоскопу открывающихся пластов пород. Не бойтесь следовать за ними, идите вглубь. Плывите, скользите, летите – почувствуйте! Будет свобода, будет катарсис. Появится зрение, за ним придет знание. Когда увидите углефицированные кремни, остановитесь.

Впрочем, в этом месте в текст закралась ошибка. Должно быть написано:
Когда увидите желанное, остановитесь.

Можно открывать глаза. Вы на месте. Здесь надо бурить. Или не надо бурить. Это зависит от того, какая у вас мечта...

